

Калашникова Лариса Вячеславовна

НАРРАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ РАССКАЗА ВЯЧ. АБУКАЕВА-ЭМГАКА "ЖРЕБИЙ"

Объектом анализа в статье является рассказ марийского писателя Вяч. Абукаева-Эмгака "Шывага" ("Жребий"), впервые вводимый в научное поле марийского литературоведения. Цель статьи - определить особенности нарративной конструкции данного рассказа через выявление конфигурации эпизодов, их ключевых повествовательных стратегий, компонентов субъектной сферы, а также их связи с авторской концепцией мира и человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.511.151

Филологические науки

Объектом анализа в статье является рассказ марийского писателя Вяч. Абукаева-Эмгака «Шывага» («Жребий»), впервые вводимый в научное поле марийского литературоведения. Цель статьи – определить особенности нарративной конструкции данного рассказа через выявление конфигурации эпизодов, их ключевых повествовательных стратегий, компонентов субъектной сферы, а также их связи с авторской концепцией мира и человека.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; рассказ; Вяч. Абукаев-Эмгак; композиция; нарративная конструкция; эпизод.

Калашникова Лариса Вячеславовна*Марийский государственный университет**lvkala@rambler.ru***НАРРАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ РАССКАЗА ВЯЧ. АБУКАЕВА-ЭМГАКА «ЖРЕБИЙ»©**

Марийский рассказ конца XX века отличается сложной композицией, многослойностью повествования, переплетением различных композиционных приемов. Подобная структура, как отмечает Р. А. Кудрявцева, связана «с переходом писателей от обобщения частных, разрозненных фактов, историй к серьезнейшей социально-нравственной и этической проблематике, к глубокому философско-психологическому осмыслению жизни и человека» [3, с. 236]; она свидетельствовала о расширении повествовательного дискурса марийского рассказа в конце XX столетия, о том, что в недрах рассказа вызревал «расцвет повести и романа, которым он готов на время отдать свое “жанровое первенство”» [Там же]. Данное обстоятельство актуализирует проблему исследования особенностей нарративной конструкции произведений данного жанра через изучение «конфигурации эпизодов как единиц актуального членения нарративного текста» [5, с. 306], их пространственно-временных координат, семантики, конфигурации «голосов» и «точек зрения».

Ярким примером сложного типа композиции, а именно повествовательной, персонажной и пространственно-временной гетерогенности, является рассказ известного марийского писателя Вяч. Абукаева-Эмгака «Жребий» («Шывага», 1995 [1]), еще никогда не становившийся объектом научного анализа – ни общего, ни проблемного.

Цель данной статьи – выявить особенности нарративной конструкции рассказа Вяч. Абукаева-Эмгака «Жребий». В статье охарактеризованы основные эпизоды, описаны пространственно-временная, персонажная и сематическая их составляющие, определены ключевые повествовательные стратегии произведения.

Эпизод, как отмечает В. И. Тюпа, есть «участок текста, характеризующийся единством места, времени и состава действующих лиц» [5, с. 306].

Рассказ «Жребий» состоит из нескольких эпизодов, которые представляют жизненные истории нескольких персонажей, пересекающиеся в ходе повествования. Первый эпизод открывается картиной суровой природы: «Арня мучко Мызнер кундемшыште поран гүжлыш...» [1, с. 97]. / «Всю неделю в округе Мызнер шумела вьюга...» (перевод с марийского здесь и далее наш – Л. К.). Именно на этом фоне показаны волки, набрасывающиеся на лосей и загрызающие ослабшего волка. Повествование ведется в форме третьего лица, от имени нейтрального, не выражающего себя и своей позиции повествователя. Во втором эпизоде, посвященном описанию деревни Келтей, в которой всего три жилых дома, и немногочисленных жителей (три старика и мужчина средних лет), точка зрения повествователя начинает перемежаться с точкой зрения стариков, начинают сближаться голоса основного нарратора и героев. Так, в рассказе о жизни Самсона и его жены появляется предложение, не соответствующее стилистике речи повествователя: «Сомылжат конгаш олтымо, кочкаш шолтымо дене серлагалтеш да...» [Там же, с. 98]. / «Домашние дела всего-то печь топить, кушать готовить...». И речь повествователя начинает напоминать речь пожилых деревенских людей. Дальнейшая наррация об их жизни, в частности, о том, почему они остались в Келтее, передается глазами и голосом Элтемыра, который знает гораздо больше о своих односельчанах, чем повествователь с «ограниченным знанием» [6]. Элтемыр вспоминает и о своей жизни. В той части воспоминаний, где рассказывается о том, как дети звали его жить к себе, в текст вводятся «голоса» персонажей в виде прямой речи: «– Ала куснет ыле, ачий? – тунамат шешке мугым лукто. – Шкет коднет мо Келтееш? – Вот онай ойлет, кузе туге шкет? – мане шонго. – Пошкудо пошкудылан энерта. – Шонет, Метрий тыште кужун илаш тўналеш? – Тау-пасиве, шешке. Келтей шўгарыште икшы-вем-влакын авашт кия, авашт пелен мый возам. – Тушко вашкыман огыл, ачий» [1, с. 99]. / «– Может, пере-едешь, папа? – завела тогда разговор сноха. – Хочешь один остаться в Келтее? – Вот интересно, как это один? – сказал старик. – Сосед за соседа держится. – Думаешь, Метрий здесь долго будет жить? – Спасибо, сноха. На кладбище Келтея покоится мать моих детей, и я рядом с ней лягу. – Отец, туда не нужно спешить».

Аукториальный повествователь все более приближается к эмоциональной и мыслительной сфере Элтемыра, что обуславливает в дальнейшем повествовании активное использование несобственно-прямой речи персонажа. Следует отметить, что это не только прием психологизма, но и способ сближения точек зрения повествователя

и персонажа. Такая «оптическая точка зрения» [4, с. 104] персонажа представлена, например, при изображении встречи с волками: «Элтемыр она шелше гыч ужеш, кузе тудын тушманже, йынысен кынелын, ончыл йол дене окшаклен, толмо корнышкыжо соптыртата. Эх, лекташ да шугыньо дене вуйжо гыч шелаш!» [1, с. 102]. / «Через щель на доске Элтемыр видит, как его враг, скуля, встает и, прихрамывая на передние лапы, идет назад. Эх, выйги бы да ударить по его голове дубиной!». В этом эпизоде присутствуют и внутренние монологи персонажа: «...нылыт, визыт, кудыт! – шонго ен пуйто ошкылжым огыл, а пире-влакым шотла. – Шымыт, кандаше... Метрийын пöртшö дек шуам гын, очыни, лишемаш огыт тошт» [Там же, с. 101]. / «...четыре, пять, шесть! – старый человек будто считает не свои шаги, а волков. – Семь, восемь... Если дойду до дома Метрия, наверно, не посмеют приблизиться».

В третьем эпизоде дается развернутый портрет ключевого персонажа рассказа Метрия: «Метрий – марда капан, таза марий. Вуйжо гыч упшым ок нал гын, палыдыме ен тудлан кумло вич ий деч утым огешат пу. Тудо чаравуян гына шке ийготшым тұрыс почын ончыкта. Ёпшö шуэ, верын-верын чалемашат тұналын. Сангаштыже куптыр пале-влакат ятырак койыт. Изирак шинчаже эре пеле кумен ончышыла коеш. Нерже кугу, шонет, пижыктен шындыме – кочмыж годым эре онайсырын тарванылеш. Пурла вел шўргыначкаже торешла коралтын – шрам уло» [Там же, с. 102]. / «Метрий – крепкий мужчина среднего роста. Если он не снимет шапку, незнакомый человек даст ему не больше тридцати пяти лет. Только с непокрытой головой он выдавал свой возраст. Волосы редкие, местами начали седеТЬ. На лбу очень много морщин. Небольшие глаза кажутся полускрытыми. Нос большой, кажется приклеенным – смешно двигается, когда ест. Правая щека сильно поцарапана – есть шрам». Морщины, седеющие волосы и шрам воссоздают образ жесткого, бесстрашного, пережившего многое человека.

Ретроспективно повествователем представлена история его жизни. Выучившись на лесника, он переехал в Келтей, ближе к большому лесу. Привез из города жену, которая жаловалась на свою жизнь, называя ее «зеленой тюрьмой». Метрий начал пить и тайком продавать лес, выгораживать браконьеров за большие деньги и в итоге угодил в тюрьму на три года. Его жена ушла к его другу-егерю, в еще одну «зеленую тюрьму». После тюрьмы Метрий стал охотником, мечтал уехать из Келтея, заработав деньги на продаже шкур животных. Но денежный микроб, так глубоко укоренившийся в его сознании, все больше отдалял его от мечты. Ретроспективное повествование позволяет увидеть противоречивую сущность Метрия, несовместимость светлой мечты с жадностью и жестокостью этого человека.

В четвертом эпизоде Метрий приезжает в районный центр и узнает о том, что за шкуры волков много платят. Он снова остается в Келтее, целыми днями бродит по лесу в поиске следов, не спит по ночам. В пятом эпизоде в Келтее появляется молодой охотник Гриша со своей добычей – волком – и просит помочь сельчан содрать с него шкуру. Несобственно-прямая речь Метрия и психологическая деталь («Шкенжын кидше ала-молан чытыра, ик гана тевак коваштым пўчкын ок колто» [Там же, с. 106]. / «У самого руки почему-то дрожат, в один момент чуть не порезал шкуру») передают скрытую зависть героя.

В шестом эпизоде, в котором Метрий снова отправляется в лес, присутствует лирическое отступление; в нем автор-повествователь восхищается красотой, богатством и щедростью леса, который становится источником его философских размышлений, его собеседником, предчувствующим трагедию (лирическое отступление прерывается неожиданным выстрелом): «Теве лум ўмбадын ала-могай кыша почеш суран упшым упшалше сонарзе мунчалта. <...> Поро шўман але осал шоньшан ен толеш – кушеч тыге кенета шижат? Молан вигак ўнышемыч? Молан тыгай лыжга мардежешат пушенге укшет келесырын лўнгалта? Ала тый йоньлыш лият, ала тудо тыматле сонарзе? Можыч пўртўсым ончалаш гына лекше ен? Ала пычалжаш шўшмö огыл? Ала...» [Там же, с. 108]. / «Вот по снегу по каким-то следам идет охотник в кожаной шапке. <...> Идет ли человек с добрым сердцем или со злым умыслом – как ты так быстро определяешь? Почему ты сразу притих? Почему даже при таком легком ветре ветки деревьев качаются недовольно? Может, ты ошибаешься, может, он учтивый охотник? Может, вышел только на природу посмотреть? Может, и оружие не заряжено? Может...». В рассказе также есть параллель между природой и Метрием. В данном случае природа противопоставлена герою, она непонятна ему: «Мызэнер чодыра эркын-эркын шенгелан кодеш. Изирак мардеж тарвана. Пушенге-влак, сонарзын умылыдымо йылме дене, семынышт ала-мом мутланат. Метри тидым шотышкат ок нал» [Там же, с. 110]. / «Лес Мызэнер постепенно остается позади. Появляется небольшой ветерок. Деревья о чем-то разговаривают на непонятном для охотника языке. Метрий даже не замечает этого»; «Май кас юалге огыл гынат, таче ала-молан шўлыккан. Мардеж эплын веле пуалеш, но вуй ўмбаке садикте ала-кушеч пыл ора толын темын да шаланаш огешат шоно. Молгунам ужар чашкерыште нимучашдыме сем дене шўшпык чопка ыле, таче тудат шыпланен. Метрий гына чыла тиде сыным ок уж, ок кол» [Там же, с. 125]. / «Майский вечер не прохладный, но почему-то сегодня тоскливый. Легкий ветерок, однако, сгустившиеся над головой тучи не рассеиваются. Обычно в зеленой роще, не умолкая, заливал соловей, сегодня и он замолчал. Только Метрий все это не замечает, не слышит». Неоднократное замечание повествователя о том, что Метрий не замечает, не видит, не слышит природу, свидетельствует о дистанции между повествователем и персонажем, о разной ценностной семантике их фокализации. Повествователь – воплощение нравственного закона и человеческого мерила, Метрий – бездушный потребитель природы. Последующие эпизоды усиливают такую концепцию образа Метрия. Так, в седьмом эпизоде герой после договоренности с Гришей охотиться вместе вдруг «заболевает» и пытается отправить компаньона на охоту по ложному пути, а когда Элтемыр советует Грише идти в Кукшенер, где и раньше обитали волки, испытывает злость и раздражение. Это его состояние передается в несобственно-прямой речи: «Ты мутым колын, Метрийын уло

чонжо шолаш пурыш, шонет. Сангаже кенета пўжалте, кид-йолжо чытыраш тўнале, чурийже йошкаргыш – чылт черле енла койо. Но ик шомакымат ыш пелеште, пўйым пурльо да чытыш» [Там же, с. 112]. / «После этих слов у Метрия, кажется, все сердце закипело. Лоб вдруг покрылся потом, руки и ноги начали дрожать, лицо покраснело – действительно стал похож на больного. Но не сказал ни слова, сжал зубы и терпел». А в восьмом эпизоде автором показана уже жестокость Метрия. Из внутреннего монолога героя становится ясно, что там, куда он отправил Гришу сторожить волков, он поставил капкан. Увлечшись погоней за волками, он проигнорировал крик о помощи Гриши, попавшего на капкан. Гриша же даже не догадывался о жестокости природы Метрия, что становится ясно также из внутреннего монолога: «”Тугеже кернак кычкырал-мем колын огыл”, – шоналта Гриша» [Там же, с. 116]. / «”Наверно, действительно не услышал мой крик”, – подумал Гриша». В рассматриваемом эпизоде, как в детективных произведениях, события изображаются сначала с точки зрения Метрия (т.е. то, что он видит и знает), а затем с точки зрения Гриши.

В девятом эпизоде показана волчица, потерявшая друга; желая отомстить Метрию, она ночами выла у деревни. Элтемыр предупреждает, что «добром это не закончится, за чьей-то душой ходит!» («Гиде порын ок пыте, ала-кён ўмыржылан коштеш вет!») [Там же, с. 119]. Десятый эпизод – это очередная жестокость Метрия по отношению к волкам. Заночевав весной в лесу, он встречается с беременной волчицей, за которой долго гонялся. Думая о наживе, о том, что за взрослых волков платят больше, родившимся волчатам перерезает задние лапы, чтобы они не смогли убежать, когда вырастут. В одиннадцатом эпизоде, в котором повествуется о похоронах Самсона и его жены, пострадавших от волчицы, Элтемыр говорит о мести волков, о роли в ней Метрия, вспоминает последние слова жены Самсона («Метрийын пырыже Келтейыш ойгым кондыш...») [Там же, с. 124] / «Волк Метрия принёс горе в Келтей...»), говорит о том, кому выпадет следующий жребий.

В последнем эпизоде становится ясно, что жребий быть наказанным волками, природой выпадает Метрию. Пьяный и злой, он идет ночью в лес, к берлоге волчицы. Эпизод отличается психологической напряженностью. В нем используются внутренний монолог («Куш каем? Молан каем? <...> А-а, пире! куштырак ыле тыйын пыжашет? Молан тынар пычкемыш? Тылзе, шўдыр-влак, кушто улыда?! Волгалтарыза мылам, айдемылан, Кукшенерым!») [Там же, с. 126] / «Куда иду? Почему иду? <...> А-а, волк! Где же была твоя берлога? Почему так темно? Месяц и звезды, где вы? Посветите мне, человеку, Кукшенер!»), несобственно-прямая речь персонажа («Теве виктыш. Лие. Ынде куроным гына шупшылаш кўлеш, но молан кид тынар чытыра, парня пуанше гай лийын, молан шинча ончылно тул сескем-влак ешаралтыт, мужыр шинча олмеш нылыт, кудыт, кандаше конча? Куштырак пире? А-а, тевак! Тыят от нере, аман? Уке-е, тыланет тетла пайрем пыта!») [Там же, с. 127] / «Вот направил. Есть. Осталось только спустить курок, но почему руки так дрожат, пальцы, словно опухли, почему перед глазами искры, вместо пары глаз мерещатся четыре, шесть, восемь? Где волк? А-а, здесь же! И ты, оказывается, не дремлешь? Нет, праздник для тебя заканчивается!»), пейзажные детали, требующие от писателя «изошренной наблюдательности и сверхточности образного зрения» [2, с. 301] и передающие напряженность ситуации. Наррацию сопровождает неумолкаемый вой волка. В схватке с волчицей Метрий погибает, успев убить и её. После его смерти лес словно ликует от радости, что избавился от зла: «Уло он дене шўлалтен колтымо семын пушенге лышташ-влакым модыктен колтыш, мардежат пуйто помыжалте, кават лож-ж шоктыш – тыгыде йўрым кышкале» [1, с. 128]. / «Будто дыша полной грудью, играючи зашевелил листьями деревьев, и ветер будто проснулся, и небо, издавая звук, – полило мелким дождем».

Рассказ завершается небольшим эпизодом-эпилогом, в котором говорится, что Гриша с друзьями отправляется искать потерявшегося человека из своей деревни, хотел взять с собой Метрия, но в деревне от Элтемыра узнает о произошедшей трагедии и направляется к месту трагедии – в местность Кукшенер. Последний эпизод – это указание автора на цену человеческой жестокости, предупреждение о незавершенности мести природы неразумному человеку.

Итак, нарративная конструкция рассказа «Жребий» обоснована авторской концепцией мира и человека, размышлениями писателя о мере человеческой жестокости и нравственности. В произведении – взаимодействие и переплетение разных точек зрения, из которых доминирует точка зрения повествователя, который то сближается, то дистанцируется с персонажами (в зависимости от характера их мыслей и действий). «Жребий» Вяч. Абукаева-Эмгака, ввиду его персонажной и фокализационной гетерогенности, наличия, помимо центральной (связанной с Метрием), побочных сюжетных линий (с множеством эпизодов) и различных нарративных фигур, нарушающих временной порядок, относится к рассказам со сложным типом композиции, напоминающим повесть.

Список литературы

1. **Абукаев-Эмгак В.** Шывага: повесть ден ойлымаш-влак (Жребий: повесть и рассказы). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 368 с.
2. **Добин Е. С.** Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. писатель, 1981. 432 с.
3. **Кудрявцева Р. А.** Марийский рассказ 1980-1990-х годов (поэтика композиции) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 11. С. 228-237.
4. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 256 с.
5. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.
6. **Успенский Б. А.** Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/uspenn-roetscomp.htm> (дата обращения: 23.02.2014).

NARRATIVE CONSTRUCTION OF THE STORY “THE FATE” BY VIACH. ABUKAEV-EMGAK

Kalashnikova Larisa Vyacheslavovna

Mari State University

lvkala@rambler.ru

The object of the analysis in the paper is the story of the Mari writer Viach. Abukaev-Emgak «Шывага» (“The Fate”); it is for the first time introduced into the scientific field of Mari literature criticism. The purpose of the article is to determine the features of the narrative structure of the story by identifying the configuration of episodes, their key narrative strategies, the components of the subjective sphere, and also their relationship with the author’s conception of the world and a man.

Key words and phrases: the Mari literature; story; Viach. Abukaev-Emgak; composition; narrative structure; episode.

УДК 81-11

Филологические науки

Статья посвящена исследованию вербальной и невербальной агрессии, которая отражена в юмористическом дискурсе. В английских, русских и армянских «бытовых» анекдотах агрессивное поведение в общении коммуникантов встречается довольно часто. Мужчины чаще всего являются непосредственными инициаторами вербальной и невербальной агрессии. Женщина выступает как объект вербального или невербального действия. Анализ материала показывает склонность мужчин к сквернословью. Частое использование мужчинами нецензурной лексики является специфической чертой вербального поведения мужчин в английских, русских и армянских «бытовых» анекдотах.

Ключевые слова и фразы: гендер; анекдот; юмористический дискурс; вербальная и невербальная агрессия; грубая лексика; нецензурная лексика; стереотип.

Князян Анна Тариеловна, к. филол. н., доцент

Ереванский государственный университет, Армения

knanna2010@mail.ru

**ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И АРМЯНСКИХ «БЫТОВЫХ» АНЕКДОТОВ)©**

В рамках исследования жанра анекдота вопрос о вербальной и невербальной агрессии (от латинского *aggressio* – нападение) представляет значительный интерес. Агрессия является предметом исследования многих научных направлений, таких как лингвистика, социология, психология, криминалистика и т.д. В психологии отсутствует единое общепринятое определение агрессии. Поведение любого человека классифицируется агрессивным, если содержит угрозу или наносит вред другим. Л. Берковиц утверждает, что агрессивным считается такое поведение, которое причиняет физический (телесные повреждения) и психологический ущерб другим людям [3, с. 24]. Р. Бэрон и Д. Ричардсон утверждают, что агрессия – это форма поведения, цель которого – оскорбить и причинить ущерб другому человеку [8]. Понятие «агрессия» представляет собой широкое явление и включает в себя вербальные и физические действия.

В последние годы вербальная агрессия все чаще становится объектом исследования психолингвистов [6; 7]. Они выработали критерии для ограничения проявления вербальной агрессии от смежных явлений. Кроме вербальных средств для выражения агрессии существует целая группа невербальных средств [4]. Чтобы понять силу агрессивного воздействия, необходимо оценить эмоциональное состояние человека в момент высказывания. Языковое выражение мира зависит от внешних факторов, таких как пол, возраст, национальность, уровень образования, культурный фон, общественная и идейная среда, которая окружает каждого человека.

В наши дни невозможно представить себе телепрограмму или газету, в которых не было бы сообщения об акте агрессии. В каждом человеке заложена определенная склонность к насилию, но можно с уверенностью утверждать, что человечество делится на две группы – агрессивных и миролюбивых людей.

Взаимоотношения мужчин и женщин в семье и в обществе всегда будут находиться в поле зрения ученых. Гендерные различия пронизывают все сферы жизни [2]. Социальные представления о мужчинах и женщинах касаются их поведения в обществе. Они отличаются по своим психологическим и социальным качествам: мужчина ассоциируется с активным и социально-творческим началом, а женщина – это носитель пассивной силы.

В английских, русских и армянских «бытовых» анекдотах социальное поведение женщин и мужчин связано с вербальной и невербальной агрессией. Как показывает анализ нашего материала, мужчины более агрессивны, чем женщины, так как они имеют большую склонность использовать невербальную агрессию. Женщины используют вербальную агрессию для выражения гнева, а мужчины – для получения социального статуса. Вообще